

Валентин Осень

**РУССКАЯ «ЛОРЕЛЕЙ». АНАЛИЗ НЕКОТОРЫХ
ПЕРЕВОДОВ СТИХОТВОРЕНИЯ Г. ГЕЙНЕ «ЛОРЕЛЕЙ»**

Идея статьи возникла после прочтения в июне 2007 года книги Николая Ушакова «Состязание в поэзии» [4] и написания собственного варианта перевода. В книге автор говорит о своем «сорокалетнем пути переводчика» с украинского, казахского, узбекского, венгерского, болгарского, польского и других языков. «Перевожу со школьной скамьи. Начинал с немцев, с Гейне, с его «Лорелей»», – продолжает автор, отмечая далее, что «в передаче этого стихотворения... состязались многие наши поэты» [4, с. 234].

Н. Ушаков не только приводит «содержание знаменитого стихотворения», но и, в подтверждение своих слов, предоставляет читателю возможность сравнить подстрочник с художественными переводами А. Блока, В. Левика, С. Маршака и своим – то есть, соответственно названию, как бы устраивает состязание в поэзии.

Работу автора книги трудно переоценить, и именно это побудило меня принять участие в таком своеобразном конкурсе. В первой части данной статьи сначала дается подстрочник Ушакова; потом в предложенном им порядке следуют переводы Блока, Левика, Маршака и самого Ушакова, а в конце – автора данной статьи; затем осуществляется анализ содержания поэтического текста переводов. Во второй части приводятся подлинник Гейне, мой собственный подстрочник и вызванные появлением последнего дополнительные наблюдения. Третья часть статьи включает еще три моих перевода «Лорелей», экспериментально выполненных различными метрическими способами. В конце работы даны выводы¹.

1

**Подстрочный перевод с немецкого стихотворения Г. Гейне
«Лорелей», приведенный Николаем Ушаковым**

*Не знаю, что со мною, –
Я печален –
Сказка старых времен
Не выходит у меня из головы.
Воздух свеж. Темнеет.
Спокойно течет Рейн;
Вершина горы блестит
В вечерних лучах солнца.
Прекрасная дева сидит
Там наверху – как в сказке.
Сверкают ее золотые украшения.
Она расчесывает золотые волосы.
Она расчесывает их золотым гребнем*

*И при этом поет песню;
И у песни удивительная
Властная мелодия.
Корабельщик на маленьком кораблике
Охвачен дикой болью;
Он не глядит на скалы,—
Он смотрит только на горы.
Я думаю, волны поглотят
В конце концов и корабельщика, и лодку.
Это своим пенем
Сделала Лорелей.*

Перевод Александра Блока

*Не знаю, что значит такое,
Что скорбью я смущен;
Давно не дает покою
Мне сказка старых времен.*

*Прохладой сумерки веют,
И Рейна тих простор;
В вечерних лучах алеют
Вершины далеких гор.*

*Над страшной высотой
Девушка дивной красоты
Одеждой горит золотою,
Играет златом косы,*

*Золотым убирает гребнем
И песню поет она;
В ее чудесном пенье
Тревога затаена.*

*Пловца на лодочке малой
Дикой тоской полонит;
Забывая подводные скалы,
Он только наверх глядит.*

*Пловец и лодочка, знаю,
Погибнут среди зыбей;
Так и всякий погибает
От песен Лорелей.*

Перевод Вильгельма Левика

*Не знаю, что стало со мною,—
Печалью душа смущена.
Мне все не дает покою
Старинная сказка одна.*

*Прохладен воздух. Темнеет.
И Рейн уснул во мгле.
Последним лучом пламенеет
Закат на прибрежной скале.*

*Там девушка, песнь распевая,
Сидит на вершине крутой.
Одежда на ней золотая,
И гребень в руке — золотой.*

*И кос ее золото вьется,
И чешет их гребнем она,
И песня волшебная льется,
Неведомой силы полна.*

*Охвачен безумной тоскою,
Гребец не глядит на волну.
Не видит скалы пред собою,—
Он смотрит туда, в вышину.*

*Я знаю, река, свирепая,
Навеки сомкнется над ним,
И это все Лорелей
Сделала пенем своим.*

Перевод Самуила Маршака

*Не знаю, о чем я тоскую,
Покоя душе моей нет.
Забуть ни на миг не могу я
Преданье далеких лет.*

*Дохнуло прохладой. Темнеет.
Струится река в тишине.
Вершина горы пламенеет
Над Рейном в закатном огне.*

*Девушка в светлом наряде
Сидит над обрывом крутым.
И блещут, как золото, пряди
Под гребнем ее золотым.*

*Проводит по золоту гребнем
И песню поет она.
И власти и силы волшебной
Зовущая песня полна.*

*Пловец в челноке беззащитном
С тоскою глядит в вышину.
Несется он к скалам гранитным,
Но видит ее одну.*

*А скалы кругом все отвесней,
А волны – круче и злей.
И, верно, погубит песней
Пловца и челнок Лорелей.*

Перевод Валентина Осень

*Я не знаю, что со мною, –
Весь в печали эти дни:
Сказка древняя покоя
Не дает мне, хоть умри...*

*Воздух свеж. Уж вечереет.
И течет спокойно Рейн;
Горный пик в лучах алеет –
Солнце закрывает день.*

*Дева – дива изваянье –
В ореоле там сидит
Золотых волос сиянья,
Украшений золотых.*

Гребнем золотым играя,

Перевод Николая Ушакова

*Так что ж это значить может, –
Я тайной печалью смущен, –
Волнует меня и тревожит
Сказанье старых времен.*

*Прохладой вечер веет,
Спокойно Рейн течет,
В последних лучах светлеет
Гряда прибрежных высот.*

*Там вся в золотом молодая
Волшебница видна.
Коса ее золотая
Рассыпалась, как волна.*

*Блестит золотой ее гребень,
И песня ее звучит,
Мелодия вьется в небе,
Она зовет и манит.*

*Пловец на лодочке малой
Охвачен дикой тоской.
Он правит к опасным скалам,
Лишь слышит напев роковой.*

*Его похоронят глуби
В пучине вечерней своей, –
Не всякого ли губит
Пение Лорелей.*

*Им скользит по волосам,
Как по струнам, – напевая,
Манит песней к небесам.*

*Рулевой охвачен болью –
Зачарован. Взором льнет,
Но не к скалам, – вверх невольно:
Властно золото влечет.*

*Видно, кончится бедою,
Как для многих кораблей:
Поглотится челн волною,
Внемля пенью Лорелей.*

Н. Ушаков указывает, что «в переводе [стихотворения Г. Гейне – В. О.] необходимо сохранить всю картину вечера над Рейном, ее реалистические и романтические детали – особенно три «золотые» детали (золотые украшения, золотые волосы, золотой гребень)». Однако, к сожалению, ни в одном из цитируемых переводов, в том числе и самого Н.Ушакова, нет совокупности этих трех элементов в явном виде. Действительно, Блок (далее, для удобства – Б) пишет: Одеждой горит золотою – но это не «украшения»; его повторяют Левик (Л) – Одежда на ней золотая и Маршак (М) – Девушка в светлом наряде. Ушаков (У) ближе подходит к цели, однако слова Там вся в золотом молодая... также соотносятся больше с типом одежды, чем с драгоценностями на женщине: она вся в золоте. Кроме этого, в его переводе опущено слово «расчесывает», дважды применяемое немецким поэтом, и вместо него нет никакого эквивалента.

Кроме трехкратного повторения «золотой», на что указал Н. Ушаков, в приводимом им подстрочнике на русском языке можно выделить еще одну тройку однокоренных лексем, относящихся к Лорелей: «песня», «поёт», «пение». Легко видеть, что сам Гейне применяет эти слова четыре раза («песня» – дважды); Б и Л – аналогично; М – один раз поет, трижды песня, но опускает пение; У – песня, напев и пение, теряя поет. В предлагаемом мной переводе используются по разу все три слова, которые также подразумеваются в обобщении золото влечет, связывающем как обе тройки, так и – через ореол – золотистость алого заката.

Кстати, о повторении слов: исключая обе вышеуказанные тройки, получается, что Гейне допускает шесть двойных повторов («сказка», «расчесывать», «гора», «он», «она», «корабельщик») и один тройной – «я»; Б – четыре (пловец, лодка, знать, погибать); Л – три (гребень, знать, скала); М – пять (золото, гребень, пловец, челнок, скалы); У – два (ее и, если

считать таковым – вечер и вечерний).

Замена слова «корабельщик» на гребец (Л) или на пловец (у трех остальных) представляется не совсем удачной – мною найдена лексема рулевой, которая больше отвечает смыслу подстрочника.

Поскольку Рейн у Гейне «спокойно течет», то образы агрессивности реки – среди зыбей (Б) и, особенно, река, свирепя (Л) или А волны – круче и злей (М) не совсем соответствуют картине тихого вечера над Рейном.

Вернемся к началу сказки. «Вершина горы» у Гейне превращается в вершины далеких гор (Б), в прибрежную скалу (Л), в гряду прибрежных высот (У) и только у Маршака тождественна подстрочнику; «дева» – в девушку (Б, Л, М) и волшебницу (У); у нее дополнительно появляются одежды (Б, Л), светлый наряд (М) или она вся в золотом (У).

У Гейне «дева сидит там наверху» – и это следует сразу за упоминанием «вершины горы», то есть, хотя место и не совсем четко определено, но направление указано. Как это обстоятельство трансформируется у переводчиков? Б: *Над страшной высотой – какую? чего? вершин далеких гор? И если горы далекие, то как вообще слышно ее пение – оно ведь не гром небесный?; Л: ...на прибрежной скале. Там девушка... сидит на вершине крутой; М: Девушка... сидит над обрывом крутым; У: Гряда прибрежных высот. Там...волшебница видна.*

При этом интересно проследить, куда направлен взгляд «корабельщика»? У Гейне все логично: он смотрит в соответствии с указанным направлением – «только на горы» (вместо одной «горы» в начале рассказа теперь в подстрочнике Ушакова и в некоторых переводах (Б,У) появляются *горы, высоты*).

Однако во всех цитируемых переводах наблюдается определенное несоответствие между указанием места, где сидит дева, и тем, куда смотрит корабельщик: *наверх* (Б) – с учетом обозначенного выше, непонятно, куда – особенно, если учесть что гор много; *туда, в вышину* (Л) – однако издали *скала, девушка* на ней и поверхность воды должны охватываться одним взглядом, в одном направлении и далеко не в вышину. А вблизи, когда *девушка* сидит на *скале*, как понять *Не видит скалы пред собою*, если он видит сидящую на ней *девушку?*; *в вышину* (М) – то же самое, что и у Левика: ведь *девушка сидит над обрывом*; Ушаков этот момент вообще опускает, да и трудно смотреть одновременно и на *волшебницу* и на всю *гряду прибрежных высот*.

Можно отметить и другие неточности. Например, у Блока: в третьем катрене, поскольку слово «сидит» опущено, как понимать *Над страшной высотой* и, особенно, *Над?* – Парит? Ушаков: в строчке *Он правит к опасным скалам* глагол *править* требует «кем-чем» [3], а не «куда». Или

словосочетание *на лодочке малой* (Б, Л) – если *лодочка*, то ясно, что *малая*.

В предлагаемом автором статьи переводе всех этих неточностей удалось избежать.

Однако справедливость требует признать, что у Гейне, как видно из подстрочника, характеристика песни – «*удивительная властная мелодия*» – дается в двух соседних строчках, чему следуют Блок, Левик и Маршак. Как и у Ушакова, у меня это рассредоточено: *дева – дива изваянье – ... напевая, манит песней к небесам, рулевой охвачен болью – зачарован и властно золото влечет*.

И здесь сам собой напрашивается вопрос о том, чему отдать предпочтение при переводе: более точной передаче смысла и реалий стихотворения, пусть и в иных, чем в подлиннике, ритмах и размерах стиха, или, учитывая своеобразие неродственного языка, терять в переводе достоверность этих реалий (вспомним *далекие горы* у Блока, агрессивность спокойной реки у Левика и Маршака и др.)?

2

Все, что сказано выше, основано на подстрочнике, предложенном Н.Ушаковым. Как только у меня появился немецкий текст [2], был сделан собственный подстрочник на русском языке.

H. HEINE. LORELEI	Авторский дословный перевод с немецкого
<i>Ich weiß nicht, was soll es bedeuten, Daß ich so traurig bin; Ein Märchen aus alten Zeiten, Das kommt mir nicht aus dem Sinn.</i>	<i>Я не знаю, что это должно означать, Что я так печален; Сказка из старых времен Не выходит у меня из головы.</i>
<i>Die Luft ist kühl und es dunkelt, Und ruhig fließt der Rhein; Der Gipfel des Berges funkelt In Abendsonnenschein.</i>	<i>Воздух прохладен и смеркается, И спокойно течет Рейн; Вершина горы сверкает В вечернем солнечном сиянии.</i>
<i>Die schönste Jungfrau sitzet Dort oben wunderbar, Ihr goldnes Geschmeide blitzet, Sie kämmt ihr goldenes Haar.</i>	<i>Прекраснейшая дева сидит Там наверху чудесно, Ее золотые украшения блестят, Она причесывает свои золотые волосы.</i>
<i>Sie kämmt es mit goldenem Kamme Und singt ein Lied dabei; Das hat eine wundersame, Gewaltige Melodei.</i>	<i>Она причесывает их золотым гребнем И поет песню при этом; Она имеет прекрасную, Влекущую мелодию.</i>
<i>Der Schiffer im kleinen Schiffe Ergreift es mit wildem Weh; Er schaut nicht die Felsenriffe, Er schaut nur hinauf, in die Höh.</i>	<i>Шкипера в маленьком судне Охватывает дикая скорбь; Он не смотрит на подводные скалы, Он смотрит только вверх, ввысь.</i>
<i>Ich glaube, die Wellen verschlingen Am Ende Schiffer und Kahn; Und das hat mit ihrem Singen Die Lorelei getan.</i>	<i>Я полагаю, волны поглотят, Пожалуй, шкипера и лодку; И это своим пением Лорелей сделала.</i>

Отмечу только наиболее существенные отличия у двух подстрочников.

В последней строчке пятого катрена у Гейне «*шкипер*» смотрит «... *hinauf, in die Höh*». Н. Ушаков перевел это, как «*на горы*», хотя на самом деле первое слово означает «*вверх, кверху*», а второе словосочетание – «*ввысь; (в высоту, в вышину)*». Повтором этих почти тождественных обстоятельств места, через запятую поэт хочет подчеркнуть огромную высоту нахождения Лорелей, на которую направлен взгляд мореплавателя. Точнее, даже не столько саму высоту, сколько то, что для того, чтобы увидеть деву, надо высоко поднять голову – с естественной при этом потерей из виду поверхности воды. Поэтому даже реально существующую скалу, на которой, по преданию, сидела певунья [2, с. 4], Гейне сознательно называет не «скалой», а «*горой*» (хотя в немецком тексте оба слова легко взаимозаменяемы без нарушения ударения, ритма и размера стиха). Однако у скалы вершина слишком близка к воде! Таким образом, замена «скалы» на «*гору*» – указание не только на единственность «*горы*», но и на огромный угол между горизонтом и направлением взгляда на Лорелей, в результате чего водная поверхность исчезает из поля зрения смотрящего. Вот что хотел, как представляется, выразить подобной заменой поэт и что ускользнуло от внимания переводчиков! Отсюда и тянется цепочка неточностей и смысловых противоречий во всех приведенных в книге Н. Ушакова переводах, о чем говорилось по этому поводу выше.

Посмотрим, как определяется повтор слов в контексте немецкого и «русского» подлинников. В первом случае повторяются слова: дважды – «*шкипер*» и трижды – «*я*». Во втором (то есть в моем) подстрочнике повторов, кроме указанных, практически нет: из тройки однокоренных слов «*песня*», «*поёт*», «*пение*» каждое используется по разу, а повторяющиеся словосочетания «*она причесывает*» и «*он (не) смотрит*», начинающие соседние строчки, суть поэтонимы. Третий раз слово «*она*» относится к песне, однако в немецком слово *песня* – среднего рода, и в подлиннике оно заменено указательным местоимением «*das*», обычно употребляемым вместо существительного. Все остальное дублирование в русском подстрочнике Н. Ушакова связано с неточностью перевода.

Анализ оригинала на немецком языке показал также, что текст из 24 стихов содержит строчек: 6-сложных – 5, 7 – 5, 8 – 8, 9 – 4 и 10 – 2. Причем, в уже упоминавшейся последней строчке пятого катрена в слове «*Höhe*» поэтом опущено окончание, иначе появилась бы еще и 11-сложная строка! Следует отметить также, что первое ударение всегда приходится на 2-й слог, второе – на 4–6, а третье – на 6–9. Возможно, это связано с тем, что стихи написаны как текст песни [2], где допустима подобная вариативность.

Нельзя не отметить также, что в последней разновидности перевода В. Левики [1] (после того, как он побывал на родине Г. Гейне и своими

глазами увидел эту скалу), сделан ряд существенных уточнений. Например, третья и четвертая строчки второго катрена теперь звучат так: *Лишь на одной вершине / Еще пылает закат*, а отмеченное выше в третьей строке пятого катрена противоречие *Не видит скалы пред собою* устранено: *Не смотрит на рифы под кручей*.

3

Н. Ушаков дает следующие характеристики первоисточнику и всем рассматриваемым им переводам с точки зрения размера стиха.

О подлиннике Гейне: «Раскрывая гармонические образы спокойной природы и трагические – происходящего, необходимо сохранить отражающее чувство беспокойства, синкопы гейневского трехдольника и вместе с тем плавность немецкой строки, заполненной одним составным словом (*Abendsonnenschein*) или двумя многосложными словами (*gewaltige Melodei*), как бы передающими медленное колебание вечерних волн» [4, с. 238].

О переводе Блока: «Блок пробует дать точный ритмический рисунок подлинника, но не всюду выдерживает его. У Блока появляется хореическое начало строки: *дЕвушка дивной красы, анапестическое: ЗабывАя подводные скалы* – и даже правильная хореическая строка: *тАк и всЯкий нОгибАет*, чего у Гейне нет» [4, с. 239].

О переводе Левика: «Левик часто отказывается от синкопы и, ставя не два, а три логических ударения в стихе, не придает ему характерной гибкости подлинника. Начиная с 3-й строфы, Левик оставляет трехдольник ради трехсложника (амфибрахия) и возвращается к трехдольнику лишь в концовке» [4, с. 240].

О переводе Маршака: «Маршак, как и Левик, избегает синкоп и заменяет трехдольник более спокойным амфибрахией. Он удлиняет строки Гейне: у Гейне – три строки по девять слогов, у Маршака десять; у Гейне пять 6-сложных строк, у Маршака – ни одной. У него, как и у Левика, три значимых слова и, значит, три логических ударения в строке и никогда – два» [4, с. 241].

Н. Ушаков о своем переводе: «Я старался заполнить короткую строку Гейне «длинными» русскими словами так, чтобы в строке было два логических ударения, подчеркнул синкопы и попытался дать все три «золотые образа»» [4, с. 243]. (Последнее не совсем получилось, как уже отмечалось выше).

Таким образом, то, к чему стремились цитируемые переводчики, не полностью им удалось.

В связи с этим возникает еще и вопрос о степени значимости метрики: насколько близко возможно совпадение подлинника и перевода и вообще возможно ли оно полностью для неродственных языков.

С целью эксперимента мной сделаны переводы, в отличие от 4-х стопного хорей в первом случае, всеми видами трехсложного метра – амфибрахийем, дактилем и анапестом.

Ниже приводятся в указанной очередности тексты всех трехсложников с использованием синкоп в отдельных местах.

Второй вариант (амфибрахий)

*Не знаю, что стало со мною –
Я дивной печалью смущен:
Совсем не дает мне покоя
горы блеском гладит –*

*Сказанье далеких времен ...
Смеркается. Воздух прохладен.
И Рейн тихо, плавно течет.
Вершину Сиянием – солнца заход.*

*Там девы прекрасной явленье
Вверху. В ореоле сидит
Своих золотых украшений
И чудных волос золотых.*

*И золотом гребня сверкая,
Скользит в них движением рук,
И песню при том напевая,
Пленяет мелодией слух.*

*А шкипера малого судна
Объяла большая печаль:
Забыл он о рифах подспудных, –
Ввысь смотрит в прекрасную даль.*

*Я думаю, будет крушенье
В волнах, что там ждут у камней.
И это своим песнопеньем
Сделала Лорелей.*

Третий вариант (дактиль)

*В толк не возьму, что со мною –
Дивной печалью смущен:
Мучит, лишает покоя
Сказка старинных времен...*

*Воздух прохладен. Темнеет.
Рейн тихо, плавно течет.*

*Солнце все больше краснеет –
Пик горный плавит заход.*

*Дева – прекрасным явленьем –
Там в ореоле сидит
Блеска золотых украшений,
Чудных волос золотых.*

*Чешет их гребнем. Сверкает
Золотом – золота друг;
Песню при том напевает –
Манит мелодией звук.*

*Шкипера малого судна
Гложет большая печаль:
Рифов не видит подспудных, –
Ввысь смотрит, в горную даль.*

*Думаю, будет крушенье
В пляске волн там, у камней.
Это своим песнопеньем
Сделала Лорелей.*

Четвертый вариант (анapest)

*Я не знаю, что стало со мною,
Отчего я печалью смущен:
Не дает совершенно покоя
Мне сказание старых времен...*

*Вот прохлада идет. Вечереет.
Тихо Рейн полноводный течет.
Лишь вершина горы пламенеет –
Там сияет лучами заход.*

*Там прекраснейшей девы явленье
Наверху. В ореоле сидит
Блеска от золотых украшений
И волнистых волос золотых.*

*Солнце, в золоте гребня сверкая,
С ним скользит по ее волосам,
Как по струнам. Она, напевая,
Манит души в полет к небесам.*

*Рулевого несчастного судна
Охватила большая печаль:*

*Он не помнит о рифах подспудных, –
Он глядит только ввысь, только вдаль.*

*Полагаю, что будет крушенье
Среди волн у подводных камней.
И все это своим песнопеньем
Сделала Лорелей.*

Краеугольным камнем всех четырех вариантов стал поэтический образ *ореол*, который сфокусировал в себе и сплавил как «три золотые детали» девы – золотые украшения, золотые волосы, золотой гребень, так и золото вечернего солнца. В значительной степени благодаря ему удалось преодолеть главную трудность, ставшую камнем преткновения для всех цитируемых переводчиков – назвать своими именами, без иносказаний все три золотых аспекта Лорелей.

Кроме *ореола*, сквозь все варианты проходит и другой конструкт – *волны*, как и у Гейне, локализованные у подводных рифов, что не вступает в противоречие с картиной спокойного течения Рейна.

В трехсложниках общими являются такие конструкты, как *девы прекрасной явленье и песнопенье*.

В качестве значимых можно отметить и другие изобразительно-выразительные элементы, например: *Солнце закрывает день, Дева – дива изваянье* и *Властно золото влечет* в 1-м варианте; оксюморон *А шкипера малого судна / Объяла большая печаль* во 2-м; *Сверкает / Золотом – золота друг* – о золотых волосах и золотом гребне в 3-м, а в 4-м – четвертый катрен целиком:

*Солнце, в золоте гребня сверкая,
С ним скользит по ее волосам,
Как по струнам. Она, напевая,
Манит души в полет к небесам.*

Выводы:

1. Представлено четыре новых перевода стихотворения Г. Гейне «Лорелей» на русский язык. Известно, что конгениальность перевода предполагает его адекватность оригиналу по содержанию и форме. Однако относительность адекватности всегда присутствует. Объяснить это можно историко-культурными факторами и индивидуальностью стилей поэтов-переводчиков.
2. Оказывается, что в данных конкретных переводах, соответствующих внутренней текстуре подлинника и сохраняющих его смысл, стихотворный размер как формообразующий фактор не имеет доминирующего значения. Однако можно заметить, что чем больше корреляция размеров подлинника и перевода, тем больше приближение

к эквиритмичности. Что касается метрики стихотворного перевода вообще, то она может быть поводом для дальнейших рассуждений о природе национальных языков.

Примечания

¹ Курсивом в статье выделяется цитируемое из русских переводов; курсивом в кавычках – из обоих подстрочников и подлинника Г. Гейне.

1. Левик В. В. Избранные переводы. В 2-х томах.– Т. 1. Предисл. Л. Озерова.– М.: Худож. лит., 1977.– 414 с.
2. Немецкий язык. Учебник для 8-9 классов средней школы. Книга для чтения / Сост. Е. В. Игнатов.– М.: Просвещение, 1993.– 384 с.
3. Ожегов С. И. и Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологич. выражений / Рос. академия наук. Ин-т рус. языка им. В. В. Виноградова.– 4-е изд., дополн.– М.: Азбуковник, 1997.– 944 с.
4. Ушаков Н. Н. Состязание в поэзии.– К.: Дніпро, 1969.– 247 с.